

ХАРЬКОВСКИЯ ГУБЕРНСКИЯ ВѢДОМОСТИ.

№

14.

СУВОТА,

АПРѢЛЯ 12 ДНЯ,

1852.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

*О Карамзинѣ, какъ историкѣ *).*

Отличительный характеръ исторической дѣятельности Карамзина состоитъ въ томъ, что онъ, не довольствуясь уже разсказомъ событій въ непосредственномъ ихъ видѣ, въ какомъ мы находимъ ихъ у бытописателей лѣтописнаго направлениія, старался дать имъ научную форму или изложить ихъ въ возможной связи и послѣдовательности. При этомъ факты, относящіе къ жизни одного исторического лица, онъ старался соединить въ одну группу, чтобы образовать изъ нихъ одно общее представлениe или то, что обы-

кновенно называютъ историческимъ характеромъ. Самое поприще, на которомъ дѣйствовали историческія лица, Россія, явилась уже Карамзину живымъ нравственнымъ существомъ, матерью, отечествомъ безчисленного сонма героевъ, возникшихъ изъ мрака прошедшаго передъ его воображеніемъ. Эти герои, какъ вѣрные сыны Россіи, въ глазахъ исторіографа имѣли значеніе только въ той мѣрѣ, въ какой они своею дѣятельностію способствовали или препятствовали величію и славѣ своего отечества; во всѣхъ поступкахъ и дѣйствіяхъ ихъ онъ видѣлъ и цѣнилъ только проявленіе любви или равнодушія ихъ къ благу своего отечества, и потому, несмотря на желаніе свое изображать не только бѣдствія и славу войны, но и все, что входитъ въ составъ гражданскаго бытія людей, успѣхи разума, искусства, обычай, законы, промышленность и проч.—исторіографъ преимущественно занимается описаніемъ тѣхъ событій,

*) Отрывокъ изъ магистерской диссертациіи кандидата Павловскаго: „Обзоръ главнѣйшихъ направлений Русской Исторіографіи,” защищеніе которой происходило 26 марта настоящаго года.

въ которыхъ проявились могущество и сила древней Руси. Останавливаясь со вниманиемъ и любовью на временахъ до Ярослава Великаго, передавая намъ со всею подробностью и прикрасами народнаго вымысла самыя неизначительныя события первого периода русской исторіи, онъ неохотно переходитъ къ изображенію периода удѣловъ, въ продолженіе котораго, по его выражению, государство слабѣло и разрушалось. Смотря на ходъ событий глазами филантропа и моралиста XVIII стол., обращая вниманіе болѣе на нравственное, нежели на историческое значеніе поступковъ дѣйствующихъ лицъ, Карамзинъ, эта безспорно благороднѣйшая личность, чуждая всякихъ мелочныхъ цѣлей и расчетовъ, невольно является пристрастнымъ къ однимъ событиямъ и лицамъ, строгимъ и даже несправедливымъ къ другимъ. Эта слабая сторона историческихъ воззрѣній Карамзина особенно рѣзко выказывается при изображеніи имъ переходныхъ эпохъ и поколѣній, гдѣ онъ, оставаясь вѣрнымъ своему логматическому взгляду, поставленъ въ необходимости объявить себя за или противъ какой либо изъ двухъ сторонъ, оспаривающихъ другъ у друга право господства. Само собою разумѣется, что въ этомъ затруднительномъ положеніи онъ прибѣгаетъ къ пособію современныхъ ему правилъ морали и принимаетъ сторону тѣхъ, чьи поступки оправдываются ими и подвергаетъ осужденію тѣхъ, поступки которыхъ, по времени и обстоятельствамъ, ихъ вызвавшимъ, находятся въ рѣзкой противоположности съ личными убѣжденіями исторіографа. Этимъ только можно объяснить ошибочные воззрѣнія Карамзина, напр., на Олега Рязанскаго, осужденного имъ въ самыхъ сильныхъ и рѣзкихъ выраженияхъ, Андрея Городецкаго, Димитрія Шемяку, Иоанна Грознаго и пр. Таковъ общій характеръ направлениія, господствующаго въ Исторіи Государства Россійскаго. Особенности его еще болѣе раскроются, если мы разсмотримъ:

а) понятія его обѣ истории вообще и русской

въ особенности; б) сдѣланное имъ раздѣленіе русской исторіи на періоды и с) фактическое изложеніе Исторіи Государства Россійскаго.

а) Всѣ предшественники Карамзина смотрѣли на исторію, какъ на разсказъ о томъ, что они видѣли или слышали; Карамзинъ придаетъ исторіи со всѣмъ иное значеніе. Въ глазахъ его: „исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ: главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижалъ откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изясненіе настоящаго и примѣръ будущаго... Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердца и слово въ уста, изъ тѣлъ вновь созидала царства, и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличительными страстиами, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; елъ творческою силой мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и непавидимъ.“ (1)

Изъ приведенныхъ нами словъ видно, что у Карамзина преобладающе способностію было воображеніе. Всѣдѣствіе этого онъ любитъ олицетворенія и картины: самыя общія и отвлеченные мысли становятся доступными для него только тогда, когда безпютная, духовная сущность ихъ является подъ покровомъ вещественности, или въ наглядной формѣ образовъ. Исторію онъ представляетъ себѣ не иначе, какъ святынищемъ народа, населеннымъ героями прошедшаго, которые такъ пѣцуютъ воображеніе наше. „Великаны сумрака, говорить онъ, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный витязь, слѣпецъ Василько; другъ отечества, благолюбивый Мономахъ; Мстиславы храбрые, ужасные въ битвахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверской, столь знаменитый великодушною смертію; злополучный, истинно мужественный Александръ-Невскій; герой юноша, побѣдитель Мамаевъ, въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуютъ на воображеніе

и сердце. (2.) *Какъ бы велики ни были всемирно-историческая личности, но имя русское имѣть для насъ особенную прелестъ: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, не жела за Фемистокла или Сципиона, потому что „личность каждого тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя.“* (3.)

Изъ этихъ словъ мы видимъ, что у Карамзина пробудились уже ощущеніе и сознаніе того кровного родства и той внутренней связи, которая находится между отдельными русскими индивидуумами и всеобщимъ духомъ, лежащемъ въ основе нашего отечества. Проникнутый этимъ сочувствіемъ къ родинѣ, историографъ естественно не могъ не отдать предпочтенія и исторіи отечественной предъ всеобщему. „Всемирная исторія, говорить онъ, великими воспоминаниями украшаетъ міръ для ума, а россійская украшаетъ отечество, где живемъ и чувствуемъ.“ (4.) „Чувство: мы, наше, оживляетъ повѣствованіе.... любовь къ отечеству даетъ его (историка) кисти жаръ, силу, прелестъ. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души“... „Въ повѣствованіи о временахъ отдѣленныхъ есть какая-то неизъяснимая прелестъ для нашего *воображенія*.“ (5.)

И такъ, въ нашемъ прошедшемъ Карамзинъ видѣлъ какъ бы въ зародышѣ наше настоящее, въ нашихъ предкахъ наше самихъ, облеченныхъ иными формами. Чувство—вотъ почва, на которой воображеніе его созидало изъ исторического матеріала длинный рядъ герояевъ минувшаго, оттѣняя дѣянія ихъ одобрениемъ или порицаніемъ.

Изложивъ понятія свои обѣ исторіи вообще, показавъ отношеніе исторіи всеобщей къ отечественной и значеніе обѣихъ въ глазахъ образованного гражданина, историографъ приступаетъ къ решению вопроса: какъ должно излагать русскую исторію? „Историкъ Россіи могъ бы конечно, говорить онъ, сказавъ нѣсколько словъ о происхожденіи ея главнаго народа, о составѣ государства, представить важныя, достопамятнѣшія черты древности въ искусной картины и начать обстоятельное

повѣствованіе съ юаннова времени, или съ XV вѣка, когда совершилось одно изъ величайшихъ государственныхъ творений въ мірѣ: онъ написалъ бы легко 200 или 300 краснорѣчивыхъ, пріятныхъ страницъ, вместо многихъ книгъ, трудныхъ для автора, утомительныхъ для читателя. Но сіи обозрѣнія, сіи картины не замѣняютъ лѣтописей, и кто читать единственно робертсоново введеніе въ Исторію Карла V, тотъ еще не имѣть основательнаго, истиннаго понятія о Европѣ среднихъ временъ. Мало, что умный человѣкъ, окинувъ глазами памятники вѣковъ, скажетъ намъ свои примѣчанія; мы должны сами видѣть дѣйствія и дѣйствующихъ: тогда знаемъ исторію.“ (6.)

И такъ, Карамзинъ, при замѣтномъ уже стремлениіи къ идеальному элементу историческихъ событий, все еще находится на почвѣ непосредственныхъ фактovъ, и потому требуетъ отъ историка не отвлеченного рассказа и личныхъ мнѣній о давнинувшемъ, но объективнаго и нагляднаго воспроизведенія дѣйствій и характеровъ.

Вообще, творчество и живость должны быть, по мнѣнію Карамзина, необходимыю принадлежностію истиннаго историка: „онъ творитъ изъ данного вещества“... „Знанія всѣхъ правъ на свѣтѣ, ученость нѣмецкая, остроуміе вольтерово, ни самое глубокомысліе макіавелево въ историкѣ не замѣняютъ галанта изображать дѣйствія.“ (7.) Само собою разумѣется, что Карамзинъ, какъ историкъ, находившійся подъ преобладающимъ вліяніемъ воображенія, только въ крайніхъ случаяхъ допускалъ разсужденія: „желаніе блестать умомъ, или казаться глубокомысленнымъ, едвали не противно истинному вкусу. Историкъ разсуждаетъ только въ объясненіе дѣлъ, тамъ, гдѣ мысли его какъ бы дополняютъ описание. Замѣтимъ, что сіи апофеозы.... не имѣютъ большой цѣли въ исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствій и характеровъ.“ (8.)

Проникнутый сочувствіемъ и любовію ко всему родному, Карамзинъ старался вѣрно изо-

бразить намъ прошедшее и вполнѣ передать завѣщанное вѣками; съ этою цѣлію онъ останавливался на самыхъ незначительныхъ событияхъ, боясь проронить малѣйшую черту древности. Вотъ какъ онъ самъ выражается объ этомъ предметѣ: „не дозволяя себѣ никакаго изобрѣтенія, я искалъ выражений въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ тѣлоющихся хартияхъ; желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему, ясную стройнымъ сближеніемъ частей; не только бѣдствія и славу войны, но и все, что входитъ въ составъ гражданскаго бытія людей: успѣхи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся съ важностію говорить о томъ, что уважалось предками, хотѣлъ, не измѣняя своему вѣку, безъ гордости и насмѣшекъ описывать вѣки душевнаго младенчества, легко-вѣрія, баснословія, хотѣлъ представить и характеръ времени и характеръ лѣтописцевъ: ибо одно казалось мнѣ нужнымъ для другаго. Чѣмъ менѣе находилъ я извѣстій, тѣмъ болѣе дорожилъ и пользовался находимыми, тѣмъ менѣе выбиралъ; ибо не бѣдные, а богатые избираютъ. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о такомъ-то князѣ, дабы овь жилъ въ нашей памяти не однимъ сухимъ именемъ, но съ пѣкоторою правственою физиотомією.“ (9.) „Такъ я мыслилъ и писалъ объ Игоряхъ, о Всеиволодахъ, какъ современникъ, смотря на нихъ въ тусклое зеркало древней лѣтописи съ неутомимымъ вниманіемъ, съ искреннимъ почтеніемъ; и если вмѣсто живыхъ, цѣлыхъ образовъ представляли единственно тѣни, въ отрывкахъ: то не моя вина: я не могъ дополнять лѣтописи.“ (10.)

Эти строки особенно важны для насъ; изъ нихъ мы видимъ, что исторіографъ бралъ непосредственное содержаніе, или, какъ онъ выражается, мысли, изъ лѣтописей, облекалъ его формою образовъ и этимъ самимъ въ объективную сторону исторіи вносилъ уже чисто субъективный элементъ. Кромѣ того,

рассказывая отдельныя события, онъ старался представить ихъ въ системѣ и уловить внутренній ихъ смыслъ. Вообще систематическое распределеніе событий онъ считалъ необходимою принадлежностью исторіи и выразился объ этомъ слѣдующимъ образомъ: „описываю дѣянія не врознь, по годамъ и днямъ, но совокупляю ихъ для удобнѣйшаго впечатлѣнія въ памяти. Историкъ не лѣтописецъ: послѣдній смотрѣть единственно на время, а первый на свойство и связь дѣйствій.“ (11.)

Сдѣланное нами обзорѣніе понятій Карамзина объ исторіи вообще и русской въ особенности, приводитъ насъ къ тому заключенію, что исторіографъ пришелъ къ болѣе сознательнымъ, многостороннимъ и тѣснымъ отношеніямъ къ своему прошедшему, нежели въ какихъ находились къ нему его предшественники; онъ созналъ уже присутствіе въ себѣ той жизни и духа, которыми одушевлено и цѣлое отечество; онъ смотрѣлъ на историческихъ героевъ, какъ на родныхъ ему собратовъ, волнуемыхъ одинакими страстями, одушевляемыхъ одними и тѣми же чувствами; наконецъ, онъ питалъ сочувствіе къ тѣмъ изъ нихъ, въ дѣйствіяхъ которыхъ въ особенности проявились любовь къ отечеству и благородство духа. Вообще, высокое и порочное, благородное и вѣроломное, трогательное и омерзительное, равно поражали воображеніе и волновали чувствительное сердце исторіографа.

b) Показавъ общій взглядъ на русскую исторію, Карамзинъ старался определить въ ней тѣ пункты, съ которыхъ события получаютъ иной характеръ. При этомъ онъ рассматриваетъ раздѣленіе русской исторіи на периоды, сдѣланное Шлецеромъ, находить его недостаточнымъ и предлагаетъ свое. Онъ говоритъ: „мужъ ученый и славный, Шлецерь, сказалъ, что наша исторія имѣетъ пять главныхъ периодовъ; что Россія отъ 872 года до Святополка должна быть названа раждающеюся (Nascens), отъ Ярослава до Моголовъ

раздѣленною (*Divisa*), отъ Батыя до Иоанна III угнетенною (*Opressa*), отъ Иоанна до Петра Великаго побѣдоносною (*Victrix*), отъ Петра до Екатерины II процветающею. Сія мысль кажется мнѣ болѣе остроумною, нежели основательною. 1) Вѣкъ св. Владимира былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не рожденія. 2) Государство дѣлилось и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянію и вицѣнимъ дѣйствіемъ Россіи надобно означать періоды, то можно ли смысливать въ одинъ время великаго князя Димитрія Александровича и Донскаго, безмолвное рабство съ побѣдою и славою? 4) Вѣкъ Самозванцевъ ознаменованъ болѣе злосчастіемъ, нежели побѣдою. Гораздо лучше, истиннѣе, скромнѣе, исторія наша дѣлится на древнѣшую отъ Рюрика до Иоанна III, на среднюю отъ Иоанна до Петра, и новую отъ Петра до Александра. Система удѣловъ была характеромъ первой эпохи, единовластіе—второй, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ—третьей.“ (12.)

Изъ выписанныхъ нами строкъ видно, что Карамзинъ не довольствовался уже обозначеніемъ предѣловъ каждого періода извѣстнымъ видомъ, но прибавилъ еще и качественную характеристику эпохъ. Мало того, всеобщее неопределенные термины—удѣлы, единовластіе—употребленные имъ для этой характеристики, онъ опредѣлилъ описаніемъ ихъ свойствъ и признаковъ и въ этомъ описаніи высказалъ свой субъективный взглядъ на цѣлый рядъ явлений народной жизни.

Вотъ какъ онъ изображаетъ главныя черты удѣльного періода: „Древняя Россія погребла съ Ярославомъ свое могущество и благоенstвіе. Основанная, возведенная единовластіемъ, она утратила силу, блескъ и гражданское счастіе, будучи снова раздробленною на малыя области. Владимиръ исправилъ ошибку Святослава, Ярославъ—владимирову: наследники ихъ не могли воспользоваться симъ примѣромъ, не умѣли соединить частей въ цѣлое, и государство, шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели

своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ. Историкъ чужеземный не могъ бы съ удовольствіемъ писать о сихъ временахъ, скучныхъ дѣлами сласы и богатыхъ ничтожными расприами многочисленныхъ властителей, коихъ тѣни, обагренныя кровью бѣдныхъ подданныхъ, мелькаютъ передъ его глазами въ сумракѣ вѣкоv отдаленныхъ. Но Россія намъ-отечество: ея судьба и въ славѣ, и въ уничиженіи равно для насъ достопамятна. Мы хотимъ обозрѣть весь путь государства россійскаго отъ начала до нынѣшней степени онаго. Увидимъ толпу князей недостойныхъ и слабыхъ; но среди ихъ увидимъ и героеv добродѣтели, сильныхъ мышцею и душою. Въ темной картинѣ междуусобія, неустройствъ, бѣдствій, являются также яркія черты ума народнаго, свойства, нравовъ, драгоцѣнныя своею древностію.“ (13.)

И такъ, по мнѣнию Карамзина отличительнымъ характеромъ періода удѣловъ были ничтожныя распри многоименныхъ князей, то слабыхъ и недостойныхъ, то героеv добродѣтели. Однимъ словомъ, мы видимъ уже у него желаніе стать по-дальше отъ непосредственныхъ фактовъ и въ цѣли явленій уловить качества и свойства ихъ, или то, что обыкновенно называютъ характеромъ эпохи.

Второй періодъ, періодъ единовластія, исторіографъ изображаетъ слѣдующими чертами: „Отсель исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной, описывая уже не безмысленныя драки княжескія, но дѣянія царства, пріобрѣтающаго независимость и величие. Разновластіе исчезаетъ вмѣстѣ съ ванимъ подданствомъ; образуется держава сильная, какъ бы новая для Европы и Азіи, которая, видя оную съ удивленіемъ, предлагаютъ ей знаменитое мѣсто въ ихъ системѣ политической. Уже союзы и войны наши имѣютъ важную цѣль: каждое особенное предприятіе есть слѣдствіе главной мысли, устремленной ко благу отечества. Народъ еще косицетъ въ невѣжествѣ, въ грубости; но правительство уже дѣйствуетъ по законамъ

ума просвѣщенаго. Устроюся лучшія воинства, призываются искусства, нужнѣйшія для успѣховъ ратныхъ и гражданскихъ; посольства великоокняжескія спѣшать ко всѣмъ дворамъ знаменитымъ; посольства иноземныя одно за другимъ являются въ нашей столицѣ: императоръ, папа, короли, республики, цари азиатскіе привѣтствуютъ монарха россійскаго, славнаго побѣдами и завоеваніями, отъ предѣловъ Латвы и Новагорода до Сибири. Издыхающая Греція отказываетъ намъ остатки своего древняго величія: Италия даетъ первые плоды рождающихся въ ней художествъ. Москва украшается великодѣпными зданіями. Земля открываетъ свои недра, и мы собственными руками извлекаемъ изъ оныхъ металлы драгоценные.“ (14.)

И здѣсь мы видимъ также желаніе Карамзина схватить общій характеръ эпохи; но онъ не можетъ изобразить его иначе, какъ только образно, живописно, а именно: рисуетъ Россію существомъ живымъ, нравственнымъ, державою сильною, могучею, управляемою единымъ монархомъ, которую прочія первоклассныя державы встрѣчаютъ съ удивленіемъ и предлагаютъ ей среди себя почетное мѣсто. Однимъ словомъ, какъ скоро исторіографъ захочетъ стать по-далѣше отъ непосредственныхъ фактовъ и бросить на нихъ общій взглядъ, тотчасъ они превращаются въ образы и картины живымъ его воображеніемъ.

Вообще, у Карамзина замѣтно уже стремленіе къ идеальному элементу историческихъ событий и желаніе уяснить внутренній ихъ смыслъ. Вслѣдствіе этого, въ Исторіи Государства Россійскаго подлѣ фактическаго изложенія событий мы встрѣчаемъ весьма часто общіе на нихъ взгляды исторіографа, размышенія, вызванныя ихъ созерцаніемъ, или же одобренія и порицанія нравственныхъ поступковъ дѣйствующихъ лицъ. (15.)

с) Наконецъ, что касается до систематическаго распределенія исторического матеріала и самого изложения событий, то и въ

этомъ отношеніи Карамзинъ далеко оставилъ за собою своихъ предшественниковъ, а именно: всѣ они при изображеніи минувшей судьбы нашего отечества ограничивались только отрывочными рассказами отдѣльныхъ случаевъ изъ жизни тѣхъ историческихъ лицъ, которые участвовали въ совершеніи рассказываемыхъ ими событий. Они никакъ не заботились о томъ, чтобы посредствомъ соединенія фактъ, относящихся къ одному лицу, воспроизвести нѣчто органическое цѣлое, или то, что называется историческимъ характеромъ; напротивъ, Карамзинъ искалъ въ исторіи дѣйствій и характеровъ; старался, по возможности, совокупить въ одну стройную группу факты, относящіеся къ жизни исторического дѣятеля, дабы этотъ послѣдній, по выражению его, жилъ въ нашей памяти не однимъ сухимъ именемъ, но съ нѣкоторою нравственною физіогноміею. Вслѣдствіе этого, исторіографъ весьма щедръ на эпитеты, такъ напр. Святополка Ярополковича онъ называетъ злодѣемъ, неблагодарнымъ, недостойнымъ княземъ, имѣвшимъ только дерзость злодѣя, извергомъ, заслужившимъ проклятіе современниковъ и потомства; (16.) Владимира Мономаха—другомъ отечества и благоразумнѣйшимъ изъ князей россійскіхъ; (17.) Ярополка Изъяславича—княземъ слабымъ, послушнымъ коварнымъ совѣтникамъ его; (18.) Мстислава Изъяславича—пылкимъ, смѣлымъ; (19.) Олега Рязанскаго—хитрымъ, вѣроломнѣмъ, но въ то же время княземъ ума рѣдкаго, славнѣйшимъ изъ всѣхъ владѣтелей рязанскихъ, любимымъ своимъ народомъ; (20.) Василия Косаго и Димитрія Шемяку—малодушными, жестокосердыми и пр. и пр. (21.)

Относительно вѣнчаній формъ Исторіи Государства Россійскаго, языка Карамзина и самаго рассказа, мы замѣтимъ слѣдующее: оставилъ неприкосновенною внутреннюю сторону языка, или ихъ содержаніе, исторіографъ коснулся только вѣнчаніи вхъ, т. е. распределенія событий, формъ языка, словъ и выражений. И подлинно, въ рассказѣ его

мы не находимъ уже ни той простоты, какою дышутъ сказания летописцевъ, ни тѣхъ областныхъ и временныхъ особенностей языка, которыя такъ живо и наглядно характеризуютъ изображаемую эпоху. Одинъ и тотъ же торжественный тонъ, одна и также периодическая рѣчь господствуютъ во всей Исторіи Государства Россійскаго. Самыя историческія лица говорятъ у Карамзина не тѣми словами, которыя первоначально вышли изъ устъ ихъ и которыя переданы намъ въ эпическомъ разсказѣ летописцевъ, но тѣми, какія вложилъ въ уста ихъ исторіографъ. Однѣмъ словомъ, въ текстѣ Исторіи Государства Россійскаго мы не находимъ ничего непосредственнаго, прямо взятаго изъ летописей; въ ней все проникнуто личнымъ взглядомъ исторіографа.

Вотъ краткая характеристика тѣхъ особенностей, которыя находимъ мы въ Исторіи Государства Россійскаго. Заключимъ ее словами современаго намъ историка: „Карамзинъ заставилъ насъ забыть почти всѣхъ предшествовавшихъ ему бытописателей и оказалъ величайшую услугу отечественной исторіи тѣмъ, что онъ привелъ въ извѣстность почти всѣ ея источники, выбралъ изъ нихъ факты съ рѣдкою отчетливостю и добросовѣстностью, не упустивъ ни одной черты, ни одного замѣчательного слова.... Трудъ его всегда будетъ украшать нашу словесность, какъ богатѣйший запасъ историческихъ свѣдѣній, изложенныхыхъ самыми п�性ными слогомъ.“ (22.)

H. P.

ССЫЛКИ И ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Исторія Государства Россійскаго Карамзина. Спб. 1842. Томъ I. Предисловіе; стр. IX.
2. Тамъ же. Т. I. Предисл. стр. X.
3. Тамъ же. Т. I. Предисл. стр. IX.
4. Тамъ же. Т. I. Предисл. стр. X.
5. Тамъ же. Т. I. Предисл. стр. XIII.
6. Тамъ же. Т. I. Предисл. стр. XI.

7. Тамъ же. Т. I. Предисл. стр. XII.
8. Тамъ же. Т. I. Предисл. стр. XII.
9. Тамъ же. Т. I. Предисл. стр. XIII.
10. Тамъ же. Т. I. Предисл. стр. XI.
11. Тамъ же. Т. I. Предисл. стр. XIII.
12. Тамъ же. Т. I. Предисл. стр. XIII.
13. Тамъ же. Т. II. стр. 39.
14. Тамъ же. Т. VI. ст. 5.
15. Подтверждаемъ сказанного нами могутъ служить слѣдующія строки, которыми исторіографъ оканчиваетъ жизнеописаніе Святослава Игоревича: „Такимъ образомъ скончалъ жизнь сей Александръ нашей древней исторіи, который столь мужественно боролся и съ врагами, и съ бѣдствіями, былъ иногда побѣждаемъ, но въ самомъ несчастіи изумлялъ побѣдителя своимъ великодушiemъ; равнялся суровою воинскою жизнью съ героями пѣснопѣвца Гомера, и снося терпѣливо свирѣпость непогодъ, труды изнурительные и все ужасное для нѣги, показалъ русскимъ воинамъ, чѣмъ могутъ они во все времена одолѣвать непріятелей. Но Святославъ, образецъ великихъ полководцевъ, не есть примѣръ государя великаго: ибо онъ славу побѣдъ уважалъ болѣе государственного блага, и характеромъ своимъ пльняя воображеніе стихотворца, заслуживаетъ укоризну историка. Исторія госуд. Росс. Т. I. стр. 118.
16. Тамъ же. Т. II. стр. 2—10.
17. Тамъ же. Т. II. стр. 70.
18. Тамъ же. Т. II. стр. 57.
19. Тамъ же. Т. II. стр. 163.
20. Тамъ же. Т. V. стр. 43, 45 и 103.
21. Тамъ же. Т. V. стр. 155.
22. Русская Исторія Устрялова. Спб. 1845. Часть 1-я. стр. 431.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

1) Въ домѣ почетной гражданки Настасьи Васильевны Бесходарной продаются: за-ново-отдѣланная четверо-мѣстная коляска съ каретнымъ фордекомъ и ЦВѢТОЧНЫЯ и ОГОРОДНЫЯ СЪМЕНА, здѣшняго урожая 1851 года, въ числѣ коихъ находятся новые виды Великанскаго проса и Виргинской кормовой кукурузы, выростающіе до 4-хъ аршинъ. Продажа по прейскуранту. На дачѣ ея же „Моренковъ хуторъ“ находящейся 1-й части 1-го квартала подъ № 36, въ съдѣствѣ съ заводомъ купца Рыжова, продаются корни георгинъ, мирабилисовъ, разные грунтовыя и оранжерейныя растенія, цвѣты въ горшкахъ и букетами, всѣхъ родовъ парниковая зелень и овощи, и по мѣрѣ посѣщенія будутъ продаваться фрукты, к. т. лучшихъ сортовъ клубника, малина, вишни, яблоки, груши и проч.—1.

—

2) Мазь отъ паденія волосъ-составъ знаменитаго анатомика и профессора Дюпюитрена въ Парижѣ.

Во всей Россіи можно получать ее только у Фине (Phinée), на Московской улицѣ, въ домѣ Шилова.

Въ послѣднее мое пребываніе въ Парижѣ мнѣ удалось пріобрѣсть до сихъ поръ въ тайни хранимый рецептъ вышеупомянутой мази, которую знаменитый анатомикъ и профессоръ Вильгельмъ Дюпюитренъ приготовлялъ для одной только французской королевской фамиліи, отъ выпаденія волосъ и ихъ успѣшного выращенія.

Нѣтъ никакаго сомнѣнія въ томъ, что только оригинальность характера этого знаменитаго членовѣка причиною того, что это отличное и тайное средство сдѣлалось извѣстнымъ

такъ недавно и то только нѣкоторымъ лицамъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ, посредствомъ одного изъ его родственниковъ, который нашелъ этотъ рецептъ въ рукописномъ завѣщаніи своего великаго предка.

Вильгельмъ Дюпюитренъ, знаменитѣйшій врачъ и операторъ своего времени, родился 1777 года въ Пьеръ-Бюфье (Haute Vienne) въ Верхне-Виенскомъ Департаментѣ, въ 1795 назначенъ былъ прозекторомъ при медицинскомъ училищѣ въ Парижѣ, въ 1801 начальникомъ надъ анатомическими работами, въ 1812 году профессоромъ хирургіи, главнымъ хирургомъ въ Hôtel Dieu, лейбхирургомъ Людовика XVIII и Карла X, и пріобрѣлъ всеобщую извѣстность какъ преподаватель, такъ и своими смѣлыми операциями и частію новыми инструментами.—1.

—

3) Продается петербургская четверомѣстная карета, мало подержанная, годная для городской ъзди и для дороги, и къ ней четыре пака. О цѣнѣ спросить въ домѣ протоіерея Зимина, въ каменномъ флигелѣ, на Сумской улицѣ, близъ театра.—2.

—

4) Въ Харьковскомъ уѣздѣ, въ 5 верстахъ отъ г. Харькова, при селеніи Григоровѣ, отдается въ наемъ мопчное заведеніе умершаго московскаго купца Алексія Коровина, со всѣми удобствами и принадлежностями для мытья шпанской шерсти; желающіе нанять оное благоволятъ пожаловать къ попечителю его, Михаилу Честилину, находящемуся при ономъ заведенії.—3.

—

Отъѣзжающая за границу.
Швейцарская уроженка Кантона Во (Вадтъ) Сусанна Элизабетта Фальконье.—1.

—

ВЪДОМОСТЬ

о приезжающихъ и выезжающихъ.

отъ 5 по 12 апРѣля прибыли:

Изъ г. Острогорска, ген.-маіоръ Фишбахъ; г. Кременчуга, ген.-лейт. Пилларъ фонъ-Пильхау и полк. Зегелевъ; с. Криничной, кол. асс. Пассекъ; г. Нѣжина, маіоръ фонъ-Риттеръ.

ВЫБХАЛИ.

Въ г. Екатеринославъ, кол. асс. Рымаренко; г. Полтаву, от. полк. Вишневскій; г. Вознесенскъ, ген.-маіоръ Фишбахъ; с. Кабанье, полк. Кричинскій; г. Чугуевъ, ген.-лейт. Пилларъ фонъ-Пильхау; г. Бодууховъ, надв. сов. Демьяновъ; г. Бѣлгородъ, маіоръ фонъ Риттеръ; г. Чугуевъ, полк. Зегелевъ и маіоръ Строевъ.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНИЯ, ДѢЛАЕМЫЯ ПРИ ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Апрѣля 1852 года.

Числа по ст. ст.	ТЕРМОМЕТРЪ R.			ВѢТЕРЪ.	СОСТОЯНИЕ АТМОСФЕРЫ.
	9 ч. утра.	3 ч. по п.	9 ч. по п.		
3 ч. Чет.	-2	-0,6	-2	С.З д. слн. С.З д. слн С.З — —	Облачно. Солнце свѣтитъ. Съ 5 ч. подмерзаетъ.
4 ч. Пят.	1,2	3,9	1,9	Ю.З ум. Ю.З — Ю.З —	Утромъ снѣгъ.—Днемъ облачно.
5 Суб.	-2	1,1	-2,5	— — — — — —	Облачно-ясно.
6 Воскр.	-1,4	1,7	-0,9	— — — — — —	Облачно. Солнце свѣтитъ 11 ч. снѣгъ крутить. То пасмурно, то свѣтло.
7 Понед.	-1,5	-0,6	-1	— — — — — —	Съ утра снѣгъ мокрый, пересталъ идти въ 4 съ пол. ч.
8 Втор.	3,5	8	4,6	— — — — — —	Пасмурно.
9 Среда.	4,5	9,4	3,5	— — — — — —	Утромъ туманно. Пасмурно и облачно. Погода пріятная.

Печ. дозвол. 29-го апРѣля 1852 г.
Цензоръ А. Рославскій-Петровскій.

Редакторъ А. Барыковъ.